

ИСТОРИЯ РЫБОЛОВСТВА И РЫБОХОЗЯЙСТВЕННОЙ НАУКИ

УДК 341.225.8: 639.2/3 (091)

**МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ И ИССЛЕДОВАНИЯ РОССИИ
В ОБЛАСТИ МОРСКОГО РЫБОЛОВСТВА
ОТ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ ДО ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XX в.**

ЧАСТЬ 1. ЕВРОПЕЙСКИЕ МОРЯ

© 2013 г. А.И. Глубоков, Н.Р. Попова

*Всероссийский научно-исследовательский институт
рыбного хозяйства и океанографии, г. Москва, 107140*

Статья поступила в редакцию 05.06.2012 г.

Окончательный вариант получен 28.01.2013 г.

Рассмотрены российские международные отношения в области морского рыболовства от Средневековья до первой четверти XX в. в Черном, Азовском, Каспийском, Баренцевом и Балтийском морях. В обзор включены мало известные источники, что позволяет охарактеризовать становление российских международных отношений в области морского рыболовства.

Ключевые слова: история международного рыболовства, морское рыболовное право, международные рыбохозяйственные исследования.

По мере территориального роста Российского государства русские выходили на северные, южные, западные, а впоследствии и восточные моря. Поскольку одним из традиционных промыслов славян являлось рыболовство – выход к морским берегам сопровождался освоением морских рыбных и звериных промыслов. При этом россияне неизбежно вступали в конкурентные взаимоотношения, как с местными племенами, так и с другими государствами, подданные которых промыслили на этих морях. Так зарождались первые международные отношения России в области морского рыболовства.

В первой половине XIX в. Россия распространила свои исследования на все три омывающих ее берега океана, создала коллегиальный орган по изучению морей – Адмиралтейский департамент (1805), предоставила возможным российским ученым-путешественникам образовывать Русское Географическое общество под сенью Его Императорского Величества (1845) (Адров, 2002 а, б).

Поскольку до начала XX в. территориальное море в основном измерялось тремя морскими милями, рыболовство далее этого расстояния от берега формально относилось к экстерриториальному или рыболовству в открытом море.

Регламентация рыболовства в России, в том числе и за пределами 3-мильной зоны, осуществлялась в соответствии с изданным в 1903 г. Департаментом Земледелия Сборником обязательных постановлений и местных актов по рыбопромышленности, содержащим все правила, изданные на местах. Собрания же законов и распоряжений центральных органов по рыболовству практически не существовало, если не считать книгу Д. Клексора «Действующее законодательство по водному праву» (цит. по Иванова, 2002). Еще в конце первой четверти XX в. В.И. Мейснер писал: «Русский рыбный промысел отличается весьма своеобразными естественными особенностями и особенно нуждается в рационализации. В самом деле, основные районы рыболовства главных по рыбной продукции европейских и азиатских государств расположены в экстерриториальных морских водах и потому

самому не могут в порядке обычного законодательства подлежать регламентации» (Мейснер, 1925. С. 43).

В исторической литературе по вопросам рыболовства в дореволюционный и ранний советский периоды основное внимание уделяется исследованиям как таковым без подразделения на исследования во внутренних морских водах и в интернациональных. В этой связи аспекты международных отношений в области рыболовства практически исчезали из поля зрения исследователей истории рыболовства.

В данном обзоре предпринята попытка осветить историю российских международных отношений в области морского рыболовства, включая исследования, которые затрагивали примыкающие к российским берегам акватории за пределами территориального моря.

Черное и Азовское моря

Русские закрепились на берегах Черного и Азовского морей еще в X в. В 988 г. Владимир Святославович посадил на княжение в Тмутаракани своего сына Мстислава Храброго. По договору 944 г. между Русью и Византией русичи обязались не препятствовать корсунянам (жителям Херсона-Херсонеса) ловить рыбу в устье Днепра. Кроме того, русская сторона согласилась и со статьями договора, требующими по наступлению осени ухода русских рыбаков, моряков, купцов и др. из Днепровского устья, с Белобережья (местности у лиманов Днепра) и о. Св. Евферия (Мавродин, 1955).

Такие требования были предъявлены Византией, главным образом, для предотвращения выхода Русского государства на северные берега Черного моря и в Крым. Но, помимо важного политического значения, указанные в договоре территории представляли интерес и как места, наиболее удобные для осуществления рыбопромысловой деятельности. Печаром здесь, у устья Днепра, в X в., если не ранее, существовало поселение русских воинов-купцов, откуда они ходили в Константинополь и Корсунь, зимовали, занимались промыслами и сталкивались с корсунцами (херсонитами), которые ради богатых уловов ходили туда же из Херсона, оставаясь, по-видимому, там на зимовку (Куманцов, 2011).

Дальнейшая история русского рыболовства в Азово-Черноморском бассейне связана с донскими казаками, которые к середине XVII столетия закрепились в устье р. Дон. Турки делали все возможное, чтобы «сбить» казаков «с реки». В отписке от 24 февраля 1656 г. Донское казачье войско жаловалось в Москву на свое трудное положение зимой, когда казаки из-за постоянных нападений противника не могли даже за рыбою и по дрова из города выйти (цит. по Мининков, 1998). И все же казаки рисковали промысливать рыбу и в этих условиях, в результате чего подвергались нападению азовцев и крымцев (цит. по Мининков, 1998).

В эпоху Петра I и Екатерины II стали снаряжаться научные экспедиции с натуралистическими целями, которым также поручался сбор сведений о рыбах и рыболовстве. К этому же периоду относятся попытки внести элементы организации и рационализации русского рыболовства путем издания государственных актов. Несмотря на то, что в то время практически все морские биологические ресурсы с точки зрения международного права являлись экстерриториальными для любого государства, много государственных актов издавались по части отведения рыбных

ловель в ведение Донскому, Кубанскому, Уральскому и другим казачьим войскам (Календарь событий..., 2004).

Екатерина II активно интересовалась устройством и богатствами своей империи, поэтому неслучайно именно в начале ее царствования в 1767 г. в Россию был приглашен для работы в качестве адъюнкта Петербургской Академии наук П.С. Паллас. Он положил начало системному изучению рыб Черного моря. Наибольший интерес представляет содержащий данные о рыбах третий том его основного труда «Zoographia Rosso-Asiatica» (1811). Наряду с описанием систематических признаков рыб П.С. Паллас приводит сведения об их местообитаниях, сроках нереста, миграциях и промысловом значении, в связи с чем считается, что в своих зоологических трудах П.С. Паллас является одним из основателей экологии животных.

Существенные дополнения к сведениям, полученным П.С. Палласом о рыбах Черного моря, в последующем были внесены зоологами А.Д. Нордманом, Г.М. Ратке, Э.И. Эйхвальдом и др. В конце XVIII – начале XIX вв. Э.И. Эйхвальд исследовал фауну Черного и Каспийского морей, А.Д. Нордман описал рыб бассейна Черного моря и издал их атлас.

Следующий крупный этап в истории научно-промысловых исследований азовского и черноморского рыболовства начался в 1862 г. под руководством Н.Я. Данилевского. Работы на морях проводились осенью 1863 г. и в течение 1864 г. Были собраны и подвергнуты тщательному анализу все исторически сложившиеся в этом регионе промыслы: кубанское, донское, азовское морское, днепровское и днестровское, черноморское морское (включая устья Дуная, Риона и др. рек) рыболовства. Члены экспедиции посетили все значимые пункты сосредоточения рыболовства, в том числе и зимнего лова. Результаты экспедиции были обобщены в восьмом томе «Исследований о состоянии рыболовства в России» – «Описание рыболовства на Черном и Азовском морях» (с атласом), вышедшем в свет в 1871 г. (Данилевский, 1871, 1875).

Первые ихтиологические работы К.Ф. Кесслера (1815-1881 гг.) были посвящены рыбам северно-западной части Черного моря и Крыма, лиманов и устьев рек (Кесслер, 1860). В этой и в других работах К.Ф. Кесслера приводятся сведения о 85 видах рыб из Черного моря. К.Ф. Кесслером дана и первая научная экологическая классификация рыб по образу жизни, включающая шесть групп (морские, солоноватоводные, разнородные, проходные, полупроходные и пресноводные) (Кесслер, 1877).

В 1860-1870-е годы у северных берегов Черного моря российский рыбный промысел был заметен и существовала какая-то его регламентация, а у абхазских берегов, где населения было мало, рыбу ловили только турки, причем за лов у российских берегов ничего не платили (Заика, 2008).

В 1872 г. по инициативе Н.Н. Миклухо-Маклая в г. Одессе академиком А.О. Ковалевским была организована биологическая станция, переведенная в 1879 г. в г. Севастополь. Станцией заведовали В. Ульянин, затем С.М. Переяславцева и А.А. Остроумов. В. Ульянин на основании своих исследований дал общую зоогеографическую оценку фауны Черного моря. А.А. Остроумов участвовал в Черноморской глубоководной экспедиции 1890-1891 гг., которая открыла заражение глубинных слоев моря сероводородом и установила отсутствие в этих слоях жизни.

Став базой для работ многих естествоиспытателей, эта станция сыграла большую роль в изучении природы Черного и Азовского морей (Борисов, 1964).

В 1901 г. исследования по рыболовству в Черном море были начаты С.А. Зерновым, продолжившим их в 1902-1903 гг. уже после перехода на Севастопольскую биологическую станцию. В опубликованных С.А. Зерновым отчетах содержится немало ценных материалов по экономике и технике рыболовства, по биологии и миграции рыб в Черном море у берегов Крыма в районе от Керчи до Севастополя. Позднее им была проведена международная экспедиция, охватывавшая практически все Черное море за исключением его южной части (Зернов, 1913). Экспедиция была выполнена в 1908-1911 гг. на четырех судах: пароходе «Академик Бэр» (1908), траулере «Феля» (1909), пароходе «Меотика» (1910) и ледоколе «Гайдамак» (1911), на котором исследовали Черное море вдоль берегов Болгарии и Румынии (Зернов, 1913). Результаты работ представлены на прилагаемой карте Черного моря, где нанесено распределение биоценозов по Черноморскому побережью Болгарии, Румынии и России на основании 215 станций (рис. 1). На основании полученных фактических данных С.А. Зернов делает вывод, что появление и исчезновение рыб у Севастополя тесно связано с годовым ходом температуры моря. Всех рыб у Севастополя можно разделить на следующие главные группы: приходящие на зиму, приходящие на лето, приходящие весной и осенью (скумбрии, хамса) и, наконец, живущие круглый год.

Рис. 1. Карта распределения станций Черноморской экспедиции С.А. Зернова (Зернов, 1913).

Fig. 1. The map of the stations' distribution during the Black Sea expedition of S. Zernov (Zernov, 1913).

В 1902 г. на Черном море работал известный ихтиолог Н.А. Бородин. Он изучал условия миграций рыб из Азовского в Черное море и обратно, и установил четкую связь между ходом и ловом рыб в Керченском проливе и температурой воды. Это было первое доказательство существования связи в системе «рыба-среда» (Борисов, 1964).

В дореволюционной России на Черном и Азовском морях имел место преимущественно прибрежный лов рыбы ставными неводами с малотоннажных гребных и парусных судов, то есть промыслы осуществляли в российских территориальных водах. В 1908-1910 гг. рыбопромышленниками была предпринята попытка организации в Черном море тралового промысла рыб со специальных паровых судов – траулеров, количество которых за два года достигло десяти. Механизированный траловый лов, возможность вести промысел рыбы в открытом море, меньшая зависимость от погодных условий, возможность хранения рыбы в замороженном виде, естественно, представляли большие преимущества по сравнению с прежними способами лова (Виноградов, 1982), одновременно ставя на повестку дня вопросы регулирования промысла в открытом море совместно с другими черноморскими странами.

В 1922 г. «Главрыбой» была организована Азовская научно-промысловая экспедиция, позже переименованная в Азово-Черноморскую. Экспедиция проводилась (1922-1927 гг.) под руководством крупнейшего ученого, исследователя морей Н.М. Книповича. Еще до начала первой мировой войны уловы рыб в Азово-Черноморском бассейне резко сократились и рыболовство пришло в упадок. Необходимо было создать научную основу для сохранения запасов рыб и развития промысла. Исследования проводились в трудных условиях послевоенного периода и были начаты на малоприспособленном для этих целей судне «Три святителя». Проведен широкий комплекс исследований по гидрологии, гидрохимии, бактериологии, гидробиологии, ихтиологии, технике рыболовства, технологии рыбных продуктов и экономике.

Среди участников первых экспедиций были видные ученые: В.А. Арнольди, Б.Л. Исаченко, Н.Л. Чугунов, Б.С. Ильин, Г.Ф. Друккер, П.И. Усачев, Л.И. Волков. Исследования экспедиции послужили научной основой для разработки практических мероприятий по охране рыбных ресурсов и рациональному ведению промысла, в том числе в экстерриториальных водах. Результаты опубликованы в 10 томах «Трудов экспедиции» и в многочисленных научных статьях. Среди них фундаментальные монографии по Азовскому и Черному морям Н.М. Книповича (Книпович, 1933), ценные обобщения начальника экспедиции Н.Л. Чугунова и Н.И. Чугуновой по осетровым, Б.С. Ильина по систематике, биологии и промыслу бычков (Наумов, 1982).

Каспийское море

Согласно древним армянским и иранским рукописям, русские плавали по Каспийскому морю с IX-X вв. История международных отношений в области рыболовства в Волжско-Каспийском бассейне сохранила достаточно древние свидетельства. Так, по летописным источникам в 1236-1480 гг. на главных рукавах Волги при впадении ее в море татарами устанавливались забойки и учуги, препятствующие ходу осетровых рыб в русские воды. После захвата в 1552 г. Казани русской армией царь Иван Грозный изгнал в 1554 г. из Апшархана хана Янчургея и обязал нового хана, ставленника России, платить дань, а ко двору Московского государства поставлять 3 тыс. крупных белуг и осетров (ориентировочно 350-600 т) в свежем и соленом виде. В эти же годы русские получили право без уплаты татарским ханам дани ловить рыбу от Казани до моря.

В 1669 г. царь Алексей Михайлович издал первый указ о регулировании рыбной ловли, в том числе в Волго-Каспийском регионе. Тем не менее, практически до 1722 г. регион находился под влиянием Персии.

В начале XVIII в. Каспий и его северное побережье были отвоеваны у персов в результате персидского похода Петра I (1722-1723), который считал Каспий важным стратегическим путем в страны Средней Азии и в Индию. С этого момента начаты российские исследования экстерриториальных районов Каспийского моря, в том числе исследования водной биоты. Во второй половине XVIII в. академиком П.С. Палласом организованы большие академические экспедиции, положившие начало зоогеографическим исследованиям в России. Часть отрядов этих экспедиций под руководством И.И. Лепехина, С.Г. Гмелина и И.А. Гюльденштедта работала в водоемах Поволжья, Кавказского побережья Каспийского моря и самом Каспийском море. Среди опубликованных трудов экспедиций особую ценность для ихтиологов представляет третий том «*Zoografia Rosso-Asiatica*», в котором П.С. Паллас (1811) дал описание всех известных к тому времени в России пресноводных и морских рыб, в том числе 29 видов рыб – обитателей Каспийского бассейна (Бердичевский и др., 1982). Результаты экспедиции С.Г. Гмелина 1768-1774 гг. изложены в книге «Путешествие по России для исследования трех царств природы» (1777). В ней впервые описаны основные виды рыб и организация рыболовства в Волго-Каспийском бассейне (Зюзина, 2002).

В 1825 г. предпринял путешествие по Каспийскому морю профессор Э.И. (К.Э) Эйхвальд. Получив в свое распоряжение казенный корвет «Геркулес», Эйхвальд провел на море более трех месяцев (Гримм, 1876 а, б).

После отхода к России северного Азербайджана (Туркманчайский трактат 1828 г.) в 1832 и 1836 гг. под руководством Г.С. Карелина были организованы экспедиции по исследованию рыб и рыболовства на малоизученных восточном и южном побережье Каспийского моря. Причем южная и центральная часть Каспия в те годы, по-прежнему, принадлежала Туркменистану и Ирану. Однако фактически Россия поэтапно переходила к полному контролю всего Каспийского моря. К.М. Бэр (1854) отмечал, что Каспийское море в тот период *de facto* было русским морем, при этом использовалось в основном рыбаками и не охранялось оружием.

Для формирования отечественной рыбохозяйственной науки на Каспии трудно переоценить значение экспедиции, организованной Русским географическим обществом во второй половине XIX в. под руководством академика К.М. Бэра (Бэр, 1860 б; Бердичевский и др., 1982). Экспедиция приступила к работе в 1853 г. Ее участником и ближайшим подвижником Бэра был известный ученый Н.Я. Данилевский. Экспедиция была вызвана жалобами астраханских и каспийских рыбопромышленников на обеднение моря рыбными запасами (Богданов, 1875). Осенью проводились работы в дельте и нижнем течении Волги, в Северном Каспии, у п-ова Мангышлак, материалы о промысле тюленей были собраны при посещении тюленьих островов. Весной 1854 г. были обследованы районы северо-востока моря и п-ова Мангышлак, р. Эмба. Осенью исследования проводились в северо-западной части Каспия. В 1855 г. экспедиция перенесла свои работы в район Среднего и Южного Каспия, осмотрела западные участки Каспия около Дербента, Баку, Ленкорании, Энзелинский залив, оз. Гокча, Астрабадский залив, ряд островов, низовья Куры (Богданов, 1875). В 1856 г. К.М. Бэр снова вернулся к исследованиям

Каспия, изучал глубоководную впадину в Южном Каспии, побывал на его восточном берегу – от р. Атрек до Красноводского залива (Алексеев и др., 2002).

Результаты экспедиции обобщены в капитальном труде «Исследования о состоянии рыболовства в России» (Данилевский, 1863). В этом многотомном издании содержатся первые теоретические высказывания в области изучения закономерностей динамики стада рыб. В нем впервые биологические исследования увязываются с решением практических задач. Многие соображения о принципах организации рационального рыбного хозяйства не утратили значения и в настоящее время. Именно академику К.М. Бэру принадлежали первые биологически правильные высказывания об организации промысла осетровых. Они сводились к тому, что ловить осетровых рыб в море нецелесообразно потому, что в море берутся преимущественно неполовозрелые особи. Бэр предлагал сосредоточить лов осетровых в реках.

Эти исследования продолжали на Каспии К.Ф. Кесслер, его ученик О.А. Гримм, В.К. Бражников и др. К.Ф. Кесслер (1877) на основании сборов на Волге и Куре и материалов Арало-Каспийской экспедиции описал 62 вида рыб Каспийского моря и в 1877 г. выпустил в свет монографию по рыбам Арало-Каспийско-Понтийской ихтиологической области (Бердичевский и др., 1982).

В 1874-1876 гг. Петербургским обществом естествоиспытателей была организована Каспийская экспедиция, которую возглавлял О.А. Гримм. Исследования были выполнены на всей акватории Каспийского моря, включая иранские воды. В 1874 г. исследования проводили на пароходе «Хивинец», в 1876 г. – на парусном судне «Персиянин» (Гримм, 1876 б) (рис. 2).

Рис. 2. Маршрут Каспийской экспедиции 1874-1876 гг. (Гримм, 1876 б).

Fig. 2. The route of the Caspian expedition of 1874-1876. (Grimm, 1876 б).

С открытием в 1898 г. в Астрахани при комитете каспийско-волжских рыбных и тюленных промыслов химико-бактериологической лаборатории (Борисов, 1960), реорганизованной в 1904 г. в Астраханскую ихтиологическую лабораторию, исследования на Каспии приобрели систематический характер.

По инициативе и на средства Императорского общества рыбоводства и рыболовства, Департамента земледелия, при содействии Императорского русского географического общества и Морского министерства в 1904 г. была снаряжена трехмесячная экспедиция для исследования сельдей и сельдяного промысла. Руководство экспедицией было поручено Н.М. Книповичу. Экспедиция 1904 г. была хорошо экипирована, тем более что она была снаряжена уже после того, как сначала Россией, а затем Норвегией, Германией, Финляндией и рядом других государств были построены или специально приспособлены для научно-промысловых исследований особые пароходы, а начавшаяся в 1902 г. деятельность Международного совета по морским исследованиям сильно продвинула вперед технику гидробиологических работ (Книпович, 1906). С помощью Международного совета ICES Книпович получил для экспедиции самое современное оборудование. Особенно важное содействие было оказано при снаряжении Каспийской экспедиции 1904 г. Центральной лабораторией для международных морских исследований в Христиании в лице ее директора проф. Ф. Нансена и ассистента В. Экмана. Она изготовила по заказу Н.М. Книповича (1906) превосходное гидрологическое снаряжение, представляющее на тот момент последнее слово науки, и планктонные сетки (в том числе закрывающиеся сетки Нансена).

Экспедиции выделили военный пароход «Геок-Теле», также ей помогали пароходы Астраханского рыбного управления «Красноводск» и «Стража», паровой катер «Проворный». Пароход работал в южной и средней частях Каспийского моря, были выполнены полные серии гидрологических и биологических наблюдений, а также была проведена планктонная съемка (Книпович, 1906) (рис. 3).

Большая часть работы была посвящена изучению сельдей, в т.ч. их распространению и размножению. Установлено, что в Каспии обитают как проходные, так и оседлые сельди. По словам Н.М. Книповича, по результатам работы экспедиции «установлен ряд основных, наиболее важных факторов по биологии этих рыб и расчищена почва для принятия не фантастических, а рациональных мер для охраны промысла» (Труды..., 1908. С. 82). Н.М. Книпович считал главной причиной падения численности сельди «истребительный, непомерный лов. Ограничение промысла, удержание его в разумных рамках во всем районе Каспийско-волжских сельдяных промыслов и упорядочение его во всех отношениях являются наиболее настоятельной потребностью. Большим злом являются выгоды в виде продления периода лова, большое зло также – применение местами по западному берегу мелководья плавучих сетей» (Труды..., 1908. С. 83).

В связи с расширением научно-исследовательских работ на Каспийском море и необходимостью изучить не только северную, но и среднюю и южную части этого моря, а также в связи с обширными исследованиями А.Н. Державина, ихтиологическая лаборатория была учреждена в Баку в 1912 г. и сначала называлась Закавказской научно-промысловой станцией, а затем Бакинской ихтиологической лабораторией. Первым ее директором был А.Н. Державин (Борисов, 1964).

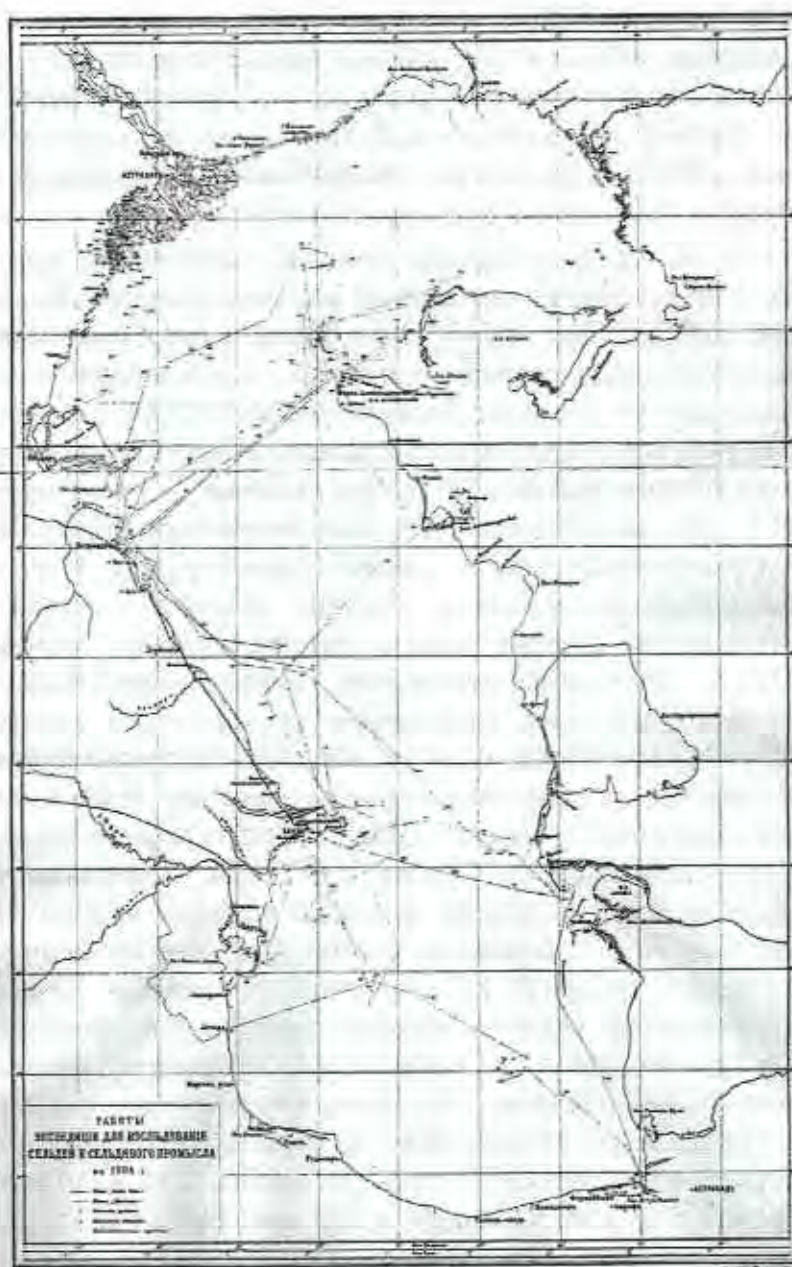

Рис. 3. Работы Каспийской экспедиции для исследования сельдей и сельдяного промысла в 1904 г. (Книпович, 1906).

Fig. 3. The work of the Caspian expedition to study the herring and herring fisheries in 1904 (Knipovich, 1906).

Следующий этап исследований, проводившихся на Каспии под руководством Н.М. Книповича, относится к 1912 и 1913 гг. На этот раз главной целью были работы в западной части моря в связи с развитием крупномасштабного промысла сельди и необходимостью научной проверки пригодности нового Закона о рыболовстве (Книпович, 1913; Алексеев, 2006). Район работ экспедиции в 1912 г. простирался от Апшеронского п-ова до северной оконечности п-ова Уч и района около Тюленьего острова. Наблюдения производились в пяти береговых пунктах (Сумгаит, Кизил-Бурун, Гюргенчай, Турали и у устьев Сулака) и, с 15 апреля по 15 июня, на зафрахтованном пароходе «Ани». Кроме того, В.И. Мейснером были лично

осмотрены почти все промыслы в районе работ экспедиции и М.И. Тихим произведены некоторые работы в Аграханском заливе и около него. Дополнением к работам экспедиции послужил небольшой рейс на пароходе «Бергаунд», любезно предоставленном фирмой паследников К.П. Воробьева, выполненный М.И. Тихим в июле (Книпович, 1913). В результате проведенных исследований была показана бесполезность предлагавшихся мер регулирования промысла.

В 1914-1915 гг. была проведена большая экспедиция под руководством Н.М. Книповича. Главная задача экспедиции состояла в исследовании осетровых, а также частиковых рыб Каспия. Работа экспедиции носила комплексный характер. Наряду с гидрологией моря изучали миграции, вертикальное и горизонтальное распределение рыб, их рост и возраст. Рассматривали вопросы продуктивности моря, состояние запасов рыб, возможности их сохранения и преумножения. Дано описание рыб Каспия, среди которых указано 147 форм, включая 75 чисто морских (Борисов, Пикольский, 1961). Для целей экспедиции был зафрахтован товарно-пассажирский пароход «Або». Сравнительно быстро удалось переоборудовать его в траулер, для чего была установлена купленная в Англии траловая лебедка, приобретены английский и немеский донные тралы (отечественный траловый промысел находился тогда в зачаточном состоянии). Были оборудованы лаборатории. Экспедиция работала тринадцать с половиной месяцев и выполнила за это время 742 станции. Наблюдениями была охвачена вся акватория моря вплоть до иранских берегов. Океанографическое оборудование для экспедиции Н.М. Книпович получил с помощью Международного совета (ИКЕС), Гидрографического управления и Гидрометеорологической службы Отдела торгового мореплавания Российской Империи. Экспедиция была оснащена на самом высоком уровне. Исключительно важные сведения получали с помощью нового для того времени орудия лова – промыслового донного трала. В работах этой экспедиции принимали участие специалисты Астраханской ихтиологической лаборатории, деятельность которой расширилась особенно в связи с тем, что в 1910 г. лаборатория получила небольшое исследовательское судно «Почин». Оно было первым научно-исследовательским судном на Каспийском море. Монография по итогам экспедиции (с привлечением всех других материалов по природе Каспия) готовилась Н.М. Книповичем в тяжелые годы первой мировой и гражданской войн и вышла в свет в 1921 г. (Книпович, 1921; Алексеев, 2006).

После революции 1917 г. Россия потеряла свое влияние в южном Каспии, что было закреплено Российско-персидским Договором о мире и дружбе 1921 г. В соответствии со ст. 8 Договора была аннулирована консульская юрисдикция. Тем самым Россия отказывалась от экономических привилегий, полученных в результате военного превосходства. До 1917 г. концессии на рыбную ловлю находились в руках российских подданных. Договор положил конец такому положению и предоставил иранской стороне право на рыболовство, что определено дополнительными договоренностями (ст. 14).

Ранние советские исследования на Каспии связаны с именем Н.Л. Чугунова, который в конце 1920-х годов изучал дрейфтерный лов в Англии, Германии и Дании. Возвратившись оттуда, он занялся изучением распределения и миграций сельдей и был одним из инициаторов внедрения их дрейфтерного лова в Каспийском море (Борисов, 1964).

Первым в истории межправительственным соглашением в области рыболовства в Каспийском море стало Соглашение СССР и Ирана от 1 октября 1927 г. об эксплуатации рыбных ресурсов южного побережья. В соответствии с этим документом была создана смешанная советско-иранская рыболовная компания с концессиями на разработку биоресурсов иранской части Каспия (за условной границей Астара-Гасанкули) в течение 25 лет. После истечения срока концессии Иран не пожелал его продлить, и соглашение потеряло юридическую силу.

Северные моря России

Ни одно из русских морей не имеет такой большой исследовательской истории, как Баренцево море. Масштабное потепление северного климата и отступление ледника изменило картину народонаселения Кольского полуострова. По правую руку от ступившего в Арктические ворота дальнего ответвления Гольфстрима Норвежского течения – вдоль берега Скандинавии наступали племена, называвшие себя «нур-манами», то есть «северными людьми» или, как затем переименовали их наши предки с иноземного на более удобный русский лад, – «мурманы». С юга на территорию Кольского полуострова переселялись карелы, вепсы и пришельцы из верхнего Поволжья. Представителей вновь прибывших народов беспокоила главная проблема выживания на севере – паучие объекты охоты и рыболовства.

Уже десять веков тому назад северное население русских окраин научилось приспособлять легкие речные суда своих предков для дальних плаваний во льдах. В тридцатых годах XI в. была проведена экспедиция князя Улеба – новгородского посадника на Северной Двине – к проливам между южной оконечностью Новой Земли и материком Евразии. Именно с этого началось освоение более северных угодий для охоты на морского зверя. Шкиперы из Холмогор, Мезени и Олонца прокладывали Лодейный ход вдоль кромки плавучих льдов от о. Колгуева до Новой Земли и самого Шпицбергена, преодолевая не одну сотню миль путеводных арктических разводий (Россолимо, 1929).

В XI в. русские промышленники, осваивая прибрежные земли, стали облагать поборами саамские племена, в том числе рыбными и пушными, включая морского зверя. Так зарождались международные отношения в области рыболовства на северной окраине Европы. Сведения о появлении русских в стране саамов есть в «Гулагинской Правде», составленной около 1200 г. В ней говорится, что норвежцы самой северной провинции Халогаланда (в районе современного норвежского города Тромсе) вынуждены были держать морскую стражу, чтобы останавливать новгородских сборщиков дани (Адров, 2002 а, б).

Массовое морское судостроение (карбасы, шняки, лоды, малые кочи для каботажного плавания и большие кочи для дальних переходов) началось с XV в. на Соловецких верфях Белого моря. Суда Соловецкой флотилии ходили под своим, собственным флагом и имели многоцелевое назначение: они использовались жителями для рыбного промысла, охоты на морского зверя, транспорта и охраны русских побережий от набегов «мурмапов». В документе, относящемся к 1667 г., говорится, что «летом ходят на море на Новую Землю и по морским островам в больших судах для моржового промысла мезенцы и цинежана на Югорский Шар и Вайгач остров, и всякие морские острова ведают» (Цит. по: Moseev, 2008).

<http://www.pomorcpp.org/insight/?id=1169>). Особенно часто русскими промышленниками посещались западные берега Новой Земли. Из ходивших к этому острову промышленников наибольшей популярностью пользуется Федот Рахманин из Мезени (Адров, 2002 а, б). Характерно, что воды Белого моря уже в XVI в. рассматривались русскими властями как внутренние воды и доступ иностранных судов регулировался внутренним законодательством (Новиков, 1962).

Все до сих пор перечисленные плавания преследовали торговую и промысловую цели. Первая научная экспедиция в западную часть российского арктического сектора была отправлена в 1734 г. Эта экспедиция являлась частью большой экспедиции, работавшей на средства русского правительства в 1733-1743 гг., и известной под названием «Великой северной экспедиции». Название «великой» присвоено ей не даром: в ней участвовало 580 человек, и она выполнила грандиозную задачу, описав все северное побережье Евразии от Белого моря до устья Колымы, исследовав Камчатку, Охотское море и значительную часть Сибири и совершив плавания к берегам Японии и северо-западной Америки (Визе, 1932). Однако основное внимание в ходе экспедиции уделялось описанию прибрежных районов и их природных богатств. Описание морских животных вдали от побережья в отчетах экспедиции фрагментарно. Следует отметить, что научные рыбохозяйственные или рыбопромысловые исследования в северных морях в течение очень долгого времени носили довольно слабый характер. Причины этого – труднодоступность районов, отсутствие надлежащих судов, суровый климат и другие.

С целью стимулирования отеческих морских промыслов Екатерина II в 1766 г. запретила ввоз трески из-за границы. В 1768 г. Указом Правительствующего сената были отменены монополии на морские промыслы на Мурмане (Календарь событий..., 2004).

Очень важная и даже считающаяся первой российской научно-исследовательской экспедицией на Новую Землю, была очередная героическая эпопея «штурмана порутческого ранга» Ф. Розмыслова на небольшой трехмачтовой шхуне, принимавшей на борт всего около восьми тонн груза. Своему рождению экспедиция обязана шуерчапину Якову Чиракипу, который, промысля зверя у Новой Земли летом 1767 г., ходил из Баренцева в Карское море проливом Маточкин Шар (Адров, 2002 а, б).

И.И. Лепехин (1740-1802) подробно описал рыбный и зверобойный промыслы на Белом море и Новой Земле. Свои наблюдения он изложил в «Дневных записках путешествий по разным провинциям Российского государства 1768 и 1769 гг.» (Лепехин, 1771, 1772, 1780).

Академик Н.Я. Озерцовский (1750-1827), географ и натуралист, ученик И.И. Лепехина, исследовал промысел трески, палтусов, сельди и семги в Северных морях.

В первой половине XIX в. под руководством К.М. Бэра были проведены экспедиционные исследования биологических ресурсов северных морей вплоть до Новой Земли (1837 г.) и северных берегов Лапландии. В Лапландии К.М. Бэр исследовал русские и норвежские рыбные промыслы. По итогам исследований академик К.М. Бэр провел одну из первых оценок состояния основных промысловых видов рыб и высказал свои соображения относительно международного

регулирования промысла. В частности, он писал: «норвежское правительство вместо того, чтобы ограничивать лов трески, старается, напротив, увеличить число ее покупателей и несколько лет назад (в 1840 г.) через своего пристава в Финмаркере вызывало русских посылать свои товары к Лофоденским островам для обмена на треску. Если бы ныне, как 400 лет назад, большие рынки снабжались преимущественно норвежской треской, то лофоденские рыбаки обогатились бы как голландские, когда они почти одни снабжали сельдями всю Европу» (Цит. по: Очерки..., 1961, С. 18).

Министерство государственных имуществ, удовлетворенное результатами исследований 1851-1857 гг. других окраинных морей Российской Империи, решило организовать аналогичные работы на севере России, включая Белое и Ледовитое моря (Мурман). В 1859 г. в эти районы направилась экспедиция, в которой приняли участие Данилевский, Шульц, Никитин и Гульельми. Во второй половине июля экспедиция вышла в «окан». На Мурмане были осмотрены становища – Семь Островов, Гаврилово с Вороньей губой, где шел промысел трески, в Мотовском заливе – поселения у рек Лица, Ура и Ара, в августе в Коле были собраны сведения об акульем лове. Данилевский на основе обследования рыбных и зверобойных промыслов в 1859-1860 г. оценил возможный вылов рыбы и морского зверя на Мурмане.

Для получения сравнительных данных экспедиция Данилевского из Колы через Хаммерфест и Тромсё направилась в Тронхейм, куда и прибыла в конце сентября. Находясь с начала осени 1860 г. в Норвегии, экспедиция старалась ознакомиться со всеми отраслями обширного рыболовства, производимого вдоль приморских городов этой страны, начиная от юго-западной оконечности ее до русской границы (Данилевский, 1862). В январе 1861 г. Данилевский и Шульц посетили Берген – центр зимнего промысла сельди, в феврале экспедиция побывала на крупнейшем тресковом промысле у Лофотенских островов. Шульц осмотрел рыбные промыслы в Южной Норвегии.

Труднейшая экспедиция доставила детальные научные сведения о рыбных и звериных промыслах на севере России, дополнив их материалами о сельдяном и тресковом лове соседней Норвегии – полезном опыте для перенесения на российскую почву. Труд, написанный Н.Я. Данилевским по результатам экспедиции «Рыбные и звериные промыслы на Белом и Ледовитом морях» (1862), затрагивает много вопросов сугубо научного характера, в том числе о принципиальных различиях в подходе к регулированию рыболовства в замкнутых водоемах и открытых морях (Алексеев и др., 2002). Эта была одна из первых попыток определить принципы международного регулирования рыбного промысла.

Массовое появление иностранцев в водах северных морей, где традиционно вели промысел русские рыбаки, историография относит к концу 60-х годов XIX в. В это время норвежские промышленники появились у Новой Земли, в районе островов Колгуев и Вайгач. Экспансия была вызвана как общим развитием морской промышленности, так и уменьшением количества моржей, тюленей и белых медведей на Шпицбергене, к тому времени хорошо освоенного норвежцами. В целях прекращения неконтролируемого промысла водных биоресурсов в 1911 г. был обозначен, вероятно, первый законодательно установленный 12-мильный предел прав прибрежного государства на морские ресурсы: Россия запретила Указом Царя

всем иностранным судам вести морские промыслы в пределах 12 миль от берегов Белого моря (Уусталь, 1958).

На Мурманском побережье норвежские рыбаки промыслили и раньше; нередко между ними и россиянами возникали «недоразумения», проще говоря – драки. Чаще всего споры разгорались, когда промышленники пачинали испытывать нехватку песчанки – мелкой рыбы, используемой в качестве паживки при ловле ярусом. В таких случаях места, где водилась песчанка, и норвежцы, и русские готовы были «отстаивать до крайности». Но если взаимные претензии россиян и норвежцев на севере Кольского полуострова имели давнюю историю и обе стороны в значительной степени смирились с ущербом, почти ежегодно друг другу причиняемым, то применительно к промыслам у Новой Земли ситуация была качественно иной. Норвежцы в короткие сроки сумели вытеснить поморов из мест их традиционных промыслов (Визе, 1948; Пинхенсон, 1962).

Причиной победы норвежских рыбаков послужило следующее. Поморы демонстрировали удивительную приверженность к судам традиционных для Русского Севера типов – шнякам, лодьям и т. п. Норвежские рыболовные суда – елы лучше держались в море при плохой погоде, чем шняки и, следовательно, могли дальше отходить от берегов. Это существенно повышало эффективность норвежских рыбных промыслов и, в числе прочего, давало норвежцам конкурентные преимущества перед русскими. В этой связи профессор Н.Я. Данилевский в начале 60-х годов XIX в. выступил с инициативой закупки в Норвегии ел за казенный счет для бесплатной раздачи их наиболее авторитетным русским промышленникам. «Прививание» норвежских ел в Поморье, тем не менее, растянулось на долгие годы. Только к концу первой четверти XX в. поморский промысловый флот качественно преобразился. В 1924 г. у Мурманского побережья из 520 советских рыбопромысловых судов было 324 елы (Давыдов, 2002).

Сотрудничество с норвежцами развивалось и по другим направлениям. Так, совместно с русским химиком А. Лебединцевым, командированным в Норвегию из лаборатории Никольского рыбного завода, Б. Гелланд-Ганзен модернизировал способ определения концентрации растворенного кислорода в условиях норвежских фиордов.

Исследования биоты северных морей, начатые экспедициями под руководством Бэра и Данилевского, продолжил Норденшельд, снарядивший в 1876 г. на деньги русского промышленника А. Сибирякова экспедицию на судне «Умер» водоизмещением 400 т. В ходе экспедиции, в частности, было выяснено, что – в противоположность господствовавшему тогда мнению – Карское море отличается богатой животной жизнью как качественно, так и количественно (Визе, 1932).

Первые российские наблюдения поверхностных и глубинных температур Баренцева моря были выполнены паровым корветом «Варяг» летом 1870 г. во время плавания от Исландии до Архангельска (экспедиционные данные обработаны А. Миддендорфом) (Адров, 2002 а, б).

В 1893 г. 30-летний магистр Николай Книпович участвует в экспедиции на крейсере «Наездник» продолжительностью три с половиной месяца. Им было установлено различие водных масс Баренцева моря, наблюдаемое у берегов

Норвегии, Мурмана, Колгуева и Новой Земли, обследовано реликтовое оз. Могильное.

Началом эры международных рыбохозяйственных исследований следует признать рубеж XIX и XX вв., а местом – моря Северной Атлантики. В 1899-1901 гг. в Стокгольме и Христиании состоялись конференции, на которых были выработаны общие положения для совместных и однородных физических, биологических и промысловых исследований северных европейских морей. В конференции приняли участие Великобритания, Германия, Голландия, Дания, Норвегия, Россия и Швеция. От России – д-р Оскар Андреевич Гримм. Продолжительность программы исследований была определена в пять лет с возможностью пролонгации. Для каждого государства был установлен район исследований, в котором по стандартным разрезам необходимо было проводить рейсы, начинающиеся и заканчивающиеся в одной и той же точке. Рейсы должны были выполняться в первых числах февраля, мая, августа и ноября каждого года.

Программой были определены следующие задачи:

а) каждые два часа проводить метеонаблюдения; б) каждые два часа измерять температуру морской поверхности; в) для выявления вертикального распределения температуры и солености воды на станциях проводить наблюдения на глубинах 0, 5, 10, 15, 20, 30, 40, 50, 75, 100, 150, 200, 250, 300, 400 и т.д. метров до дна; на этих глубинах также изучать течения и другие гидрологические параметры; г) зоологические и промысловые работы: на первом месте – изучение планктона (отбор проб с поверхности воды каждые 6 часов), бентоса, всестороннее исследование распределения рыб от икры до взрослых особей; также исследования орудий лова и их отношения к качеству лова.

Для России было отведено два района исследований:

1) Балтийское море (до 1905 г. работы велись только со стороны Финляндии с парохода «Nautilus»);

2) Северный Ледовитый Океан; работы проводили по треугольнику ABC: сторона AB – Кольский меридиан 30° в.д. от скатертинской гавани до пересечения с параллелью 75° с.ш.; сторона BC – линия из последней точки на Южный Гусиный мыс на Новой Земле; CA – линия от Южного Гусиного мыса в Екатерининскую гавань (г. Александровск) (Гримм, 1899; Брейтфус, 1903; 1905).

Исследования по международной Программе были включены в Мурманскую Научно-промысловую экспедицию, снаряженную Комитетом для помощи поморам Русского Севера (на экспедицию русским правительством было отпущено свыше 1 миллиона рублей), начавшую свои исследования в мае 1898 г. Перед началом экспедиции ее руководитель Н.М. Книпович (в 1901-1914 гг. представитель в Международном совете по исследованию моря (ИКЕС)) побывал в научной командировке в скандинавских странах, Германии, Англии, где познакомился с опытом постановки научно-промысловых исследований, установил связи с известными учеными Ф. Нансеном, Ю. Йортом, О. Петерсеном, Дж. Мюррессом и другими. В 1897 г. Н.М. Книпович опубликовал проект научно-промысловых исследований, включавший описание работ по выяснению общей биофизической природы Баренцева моря (Алексеев и др., 1998). Деятельность экспедиции осуществлялась по следующим направлениям:

1) зоологические, гидрологические, метеорологические и бактериологические исследования океана;

2) исследование Баренцева моря по международной Программе;

3) более широкое изучение промысловых животных и самого промысла.

Деятельность Мурманской Научно-промысловой экспедиции обуславливалась требованиями трёхлетней программы, составленной в 1902 г. Целями этой программы, среди прочего, были:

1) общее биологическое и физико-географическое изучение Баренцева моря;

2) определение границ промыслового района и его богатства;

3) расширение промыслового района и продолжительности промысла по времени;

4) усовершенствование способов лова.

Для достижения целей экспедиция должна была ответить на следующие вопросы:

I. Какая промысловая рыба, на какой глубине и в какое время держится около берегов и на банках в открытом море? То есть указать с помощью синоптических карт время и место для каждого промысла.

II. Указать, какие причины влияют на ход промысла, заставляя рыбу совершать миграции.

III. Как выгоднее всего вести промысел и заготавливать продукцию.

Первые гидрологические, гидробиологические и рыбопромысловые наблюдения в Баренцевом море зимой 1898-1899 гг. выполняла купленная в Норвегии парусная шхуна «Soblomsten» («Морской цветок»), переименованная в «Помор». 26 мая 1899 г. впервые вышел в море специально построенный для научных исследований и тралового лова российский двухмачтовый пароход «Андрей Первозванный». Судно «Андрей Первозванный» послужило образцом для постройки морских научно-исследовательских судов в Норвегии, Германии, Англии, Швеции, США. Так, через год 22 июля 1900 г. в программе международных исследований приняло участие новое норвежское научно-исследовательское судно «Михаэль Сарс».

По словам Л.Л. Брейтфуса, до работ экспедиции «даже для южных областей Баренцева моря не имелось почти никаких наблюдений, как по ихтиологии, так и по гидрологии, не было ни сколько-нибудь надёжной промысловой статистики, ни морских карт с показанием глубин, – и экспедиция была поставлена в необходимость не только собственным трудом и опытом добывать все необходимые научные данные, но также и заняться промыслом и составлением карты рельефа дна» (Брейтфус, 1912. С. 3).

Экспедиция исследовала большую часть Баренцева моря и, отчасти, Карское и Белое моря. В ходе экспедиции был собран материал по гидрологии, особенное внимание было уделено изучению ветвей Нордкапского течения, что было важно для понимания «всех биологических и многих климатических явлений, происходящих в этом море» (Брейтфус, 1912. С. 5).

Было выявлено, что обильное размножение планктона как пищи для рыб идет со стороны более теплых участков океана к более холодным, т.е. с запада на восток;

выявлена аналогия с ходом промысловых рыб. Выявлена связь подходов к берегу промысловых рыб с известным периодом жизни планктона. Удалось выяснить, что запасы рыб в водах Мурмана весьма значительны. Был сделан вывод, что промысел можно и нужно расширять и в пространстве, и во времени.

Было выдвинуто предположение о существовании в Баренцевом море трех групп трески: лофотенско-мурманской, местной мурманской и медвежьеостровской. Самой важной группой является первая, нерестящаяся в январе-апреле у берегов Норвегии и подходящая летом к Мурману. Треска и пикша подходят к Мурманскому берегу для нагула с запада и северо-запада, следуя вдоль теплого русла Гольфстрима.

Район промысла «распространен на восток за Канин Нос (пикша, треска, палтус и морская камбала), на север до 75° с.ш. и к западу и северо-западу – вдоль берегов Финмаркена, а также на банки Медвежьего острова; другими словами: добрая четверть Баренцева моря является населенной треской и пикшей». Было выявлено, что тресковые рыбы держатся у берегов Мурмана с мая до декабря. Прибрежный лов может идти с мая по декабрь, а если вести весенний лов вдаль от берегов в рукаве теплого Мурманского течения (71°30' с.ш.), то промысловый сезон растянется на 10 месяцев (Брейтфус, 1912, С. 12).

Были исследованы возможности вести траловый промысел с паровых судов. Удобные места для тралений были обнаружены в Мотовском заливе, в части Кольского залива у п-ова Рыбачий и в некоторых местах на Кильдинской банке (Брейтфус, 1912).

С целью изучения условий промысла и быта промышленников на Лофотенских тресковых промыслах, весной 1902 года в Норвегию был командирован ассистент экспедиции В.Л. Исаченко.

В 1906 г. впервые произведены бактериологические исследования вод Северного Ледовитого океана.

Мурманская экспедиция, которой с 1902 г. руководил ассистент Книповича Л.Л. Брейтфус, а в его отсутствие – В.К. Солдатов, дала оценку рыбных ресурсов Баренцева моря, установила его высокую перспективность для развития тралового лова (чем незамедлительно воспользовались английские и германские траулеры, а четыре русских траулера появились в этом регионе только незадолго перед Первой мировой войной) (Алексеев и др., 2002). В частности, в числе сделанных экспедицией открытий следует упомянуть, что еще в 1899 г., впервые было обнаружено присутствие промысловых рыб на Капинской мели. Слух о богатстве этой банки камбалой, треской и пикшей вскоре проник за границу, и с 1904 г. Капинская мель стала регулярно посещаться английскими и германскими траулерами, в чем экспедиция лично убедилась в 1906 г., когда она застала там до десяти иностранных судов, преимущественно из Бремергафена и Гуля (Сидеснер, 1909). С 1906 по 1913 гг. только английские траулеры совершили в Баренцево море 1 283 рейса, вылавливая главным образом морскую камбалу. Как указывает Н.М. Книпович, в 1910 г. весь улов России в море составил 3/4 улова английских траулеров (Пашкова, 2002).

Капитан И.Л. Коштыков опубликовал в «Известиях Архангельского общества изучения Русского Севера» результаты наблюдений уловов, описания рыбопромысловых банок, характера группов, направлений дрейфа на участке

Баренцева моря от п-ова Канин Нос до границ Норвегии (Копытов, 1911). Составленные карты промысла позволяли судить о динамике районов тралового лова и даже прогнозировать новые промысловые районы, которые в будущем стали одними из важнейших в Баренцевом море, - это подводные склоны о. Медвежий и банки, расположенные севернее 71° с.ш., и восточнее 40° в.д.

До начала первой мировой войны за промыслом иностранцев у берегов Мурмана следил пароход «Бакан», выполнявший функции русского охранного крейсера.

В Своде законов Российской империи (т. XII, ч. 2) в разделе «О звериных и рыбных промыслах» закреплено положение о порядке производства звериных и рыбных промыслов в Северном океане и Белом море. Отмечено, что «никому в особенности не возбраняется заиматься рыбным и звериным промыслом на Северном океане и Белом море». Жителям поморского края Архангельской губернии (за исключением г. Архангельска) дозволялось для облегчения промыслов получать таможенные паспорта на рейсы в Норвегию не только на одно лето, но и на два года, а для промыслов на Новую Землю и на продолжительное время (Иванова, 2002).

Стремясь сохранить права на водные биоресурсы Белого моря, установленные Указом Царя 1911 г., Советское государство Декретом Совнаркома 1921 г. провозгласило исключительное право РСФСР на эксплуатацию рыбных и звериных угодий в Белом море и в Северном Ледовитом океане на расстоянии 12 морских миль от линии наибольшего отлива. Советское государство, учитывая многолетнее сотрудничество с Норвегией по вопросам зверобойного промысла и рыболовства, неоднократно предоставляло Норвегии право на промысел в территориальных водах Севера путем заключения концессий. В период с февраля 1923 г. по апрель 1926 г. между РСФСР и Норвегией было заключено шесть концессионных договоров. Начиная с декабря 1923 г., договоры предусматривали сочетание концессионной деятельности с научно-исследовательской путем предоставления права участия в концессионном промысле советским ученым-ихтиологам с двумя ассистентами каждый (Иванов, 1988).

Первые после революционные исследования провел С.В. Аверинцев на траулерах «Дельфин» (1918-1919 гг.). Экспедиция под его руководством изучала распределение трески и придонные температуры вод Баренцева моря. Результаты экспедиции позволили дать описание условий тралового промысла в южных районах Баренцева моря, а позднее капитан П.И. Бурков (первый капитан «Персея») составил первую промысловую карту, которой до 1927 г. пользовались, дополняя своими наблюдениями, другие капитаны. Он разделил море на квадраты по 10 мин. и пропумеровал их. К картам прилагался список промысловых банок с характеристиками уловов. В дальнейшем подобные карты приобрели более оперативную форму и стали главными пособиями исследователей рыбного промысла в Баренцевом море.

Вскоре после окончания гражданской войны Советское правительство предприняло ряд мер для развертывания больших исследований российских северных морей. Так, в 1921 г. ВСНХ организует «Северную научно-промысловую экспедицию», в подготовке которой принял участие и Н.М. Книпович. Говоря об этой экспедиции, Н.М. Книпович в 1920 г. отмечал важность ихтиологических исследований на севере не столько в связи с эконоическим значением северного

рыбного дела для России, сколько с теми, совершенно определенными и обоснованными перспективами, которые сулит в будущем развитие и правильная постановка этого дела на основе глубокого и всестороннего изучения фауны рыб.

Работы экспедиции в 1921 г. были выполнены на пароходе ледокольного типа водоизмещением 3 тыс. т «Соловей Будимович», переименованный в «Малыгин». В больших салонных помещениях ледокола «Малыгина» были оборудованы просторные и удобные лаборатории — гидрологическая, биологическая, ихтиологическая, гидрографическая и фотографическая. Маршрут экспедиции был таков: по выходе из Горла Белого моря идти по 47-му меридиану к северу до кромки льда, обогнуть Новую Землю с севера и идти к устью Оби и Енисея. В случае невозможности обогнуть Новую Землю с севера, возвратиться к югу и идти в Карское море через Карские ворота.

Станции по 47 меридиану, в особенности, лежащие к северу от Маточкина Шара, оказались резко отличными от станций Канинского района. Выяснилось, что Канинский район в фаунистическом отношении является хорошо очерченным и ограниченным зоогеографическим районом Баренцева моря. В ходе экспедиции исследована Новоземельская ветка Нордкапского теплого течения, а также район глубоководного галечника. Этот район в виде неширокой каймы опоясывает глубоководную, центральную часть Баренцева моря с востока, юго-востока, юга и юго-запада. На востоке он примыкает к мелководью Новой Земли на юге и юго-востоке к Канинскому району (Месяцев, 1926).

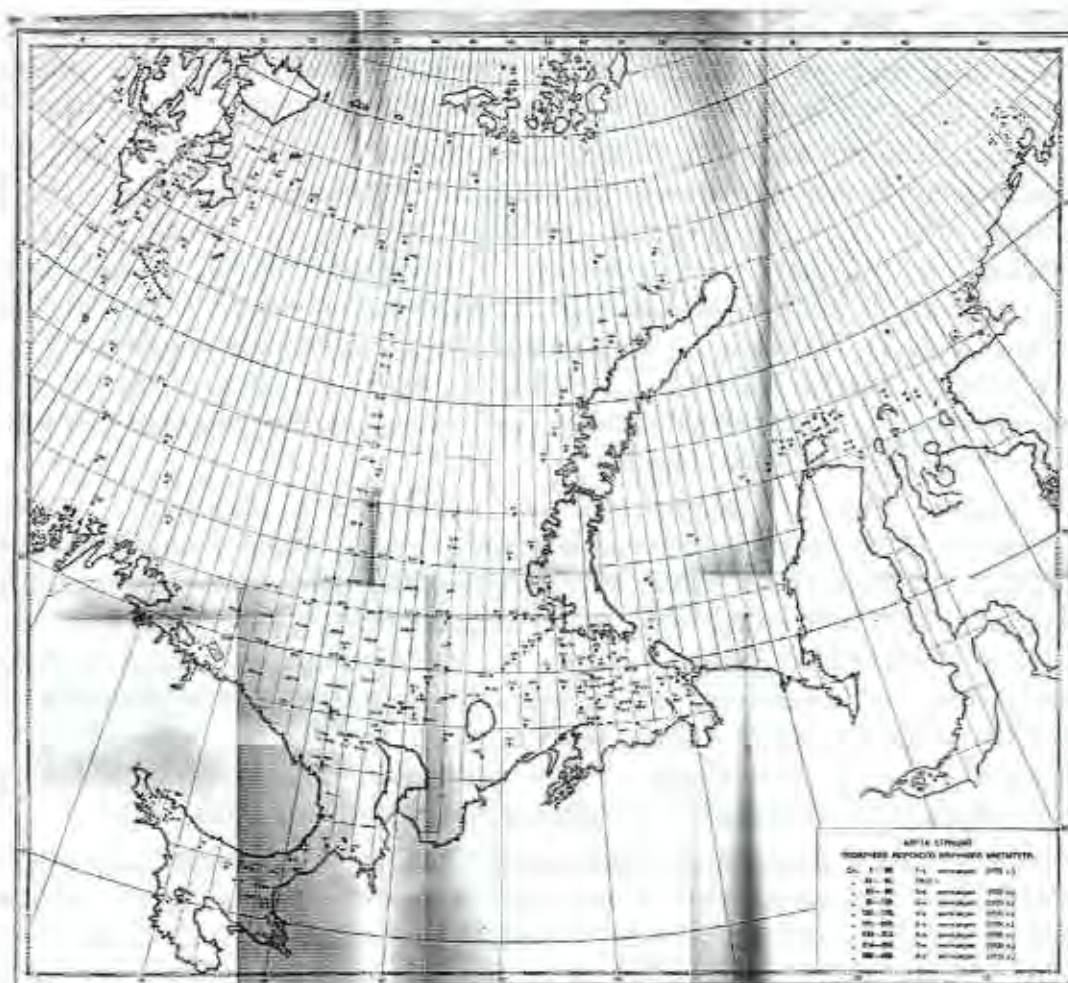
В 1923 г. было построено и оборудовано для исследований в северных морях экспедиционное судно «Персей». Корпус «Персея», имевший дубовую обшивку и ледовый набор, был приспособлен для плавания в довольно тяжелых льдах; для этой цели его обводы были сделаны по типу нансеновского «Фрама». На «Персее» с 1923 по 1941 гг. было совершено более 70 рейсов в Карское, Баренцево и Норвежское моря (Месяцев, 1926; Борисов, 1964) (рис. 4).

Мурманская биологическая станция в Александровке (Кольский залив) с 1921 г. 4 раза в год проводила международные наблюдения в Баренцевом море. В эти наблюдения входил сбор температурных серий и проб воды с различных глубин в открытом море. В выполнении этих работ станция являлась преемницей Мурманской Экспедиции (1898-1908 гг.), проводившей такие же наблюдения по программе Международного Совета по исследованию моря (ИКЕС) (Брейтфусе, 1928).

Балтийское море

Несмотря на то, что новгородцы уже в XII в. вышли на берега Балтийского моря и, в числе прочего, начали промысливать рыбу, российское морское рыболовство в Балтийском море до начала XX в. оставалось практически неразвитым. Так, в 1913 г. доля Балтийского вылова от общероссийского составляла всего 3%. Для сравнения вылов в пресноводных водоемах составлял в тот период 7,4%.

В связи с небольшим значением Балтийского моря в российском рыбном промысле исследования, включая экстерриториальные воды, здесь также были начаты, в наиболее поздние сроки по сравнению с другими окраинными морями Российской Империи.

И.М. Книпович и С.А. Павлович проводили исследования океанографических условий средней части Балтийского моря. Результаты этих работ опубликованы в 1909 г. в «Ежегоднике Зоологического музея» (Алексеев и др., 2001).

Исследования России были призваны скоординировать исследования всех стран, учитывая опыт предшествующих лет. Нужно было установить район исследования, выяснить, какими методами пользуются в других странах. Для этого А.А. Лебединцев, занимавшийся гидрологией и гидрохимией, связался с вице-президентом ИКЕС профессором Отто Петерсоном и, по приглашению последнего, участвовал в заседании Совета 17-23 июля 1908 г., а затем принял участие в рейсе шведского научно-исследовательского судна «Скагеррак» по Большому Бельту с целью ознакомления с организацией и ведением гидрологических работ по Международной программе. По пути в Швецию Лебединцев ознакомился с гидрологической и гидрохимической частями исследований по программе, проводимой в Финляндии, побывал на борту научно-промыслового судна «Наутилус». Он же заказал в Швеции часть научного оборудования (Лебединцев, 1910).

В 1908 г. также в рамках международной программы ИКЕС Главным управлением Земли и Земледелия была организована Балтийская экспедиция для научно-промысловых исследований Балтийского моря, Финского и Рижского заливов. В составе Балтийской экспедиции работали А.А. Лебединцев (гидрология), И.Н. Арнольд (планктон), Е.К. Суворов (рыбы и рыболовство). Руководил экспедицией О.А. Гримм. Экспедиция в течение месяца (с 23 июля по 23 августа) сделала на военном транспорте «Компас» 51 станцию в открытом море, а также в Финском и Рижском заливах, в их глубоководных частях и на банках, проводила пробный лов рыбы промысловыми орудиями и мечение рыб. Собранный гидрологический, гидробиологический и ихтиологический материал дал возможность установить общую картину условий жизни в Балтийском море, его биологическую и рыбопромысловую продуктивность (Борисов, 1964). По словам Е.К. Суворова, эта экспедиция являлась «рекогносцировкой, и в этом отношении чрезвычайно велика ее важность, как исходного пункта для дальнейших работ такого же рода» (Суворов, 1910. С. 89).

Ихтиологические исследования в Балтийском море Е.К. Суворов продолжил в последующие годы (1910, 1912, 1913), по результатам которых опубликовал работу «К ихтиофауне Балтийского моря» («Труды Балтийской экспедиции», т. I, 1910, т. II, 1913) (Суворов, 1910, 1913; Борисов, 1964).

В связи с потерей Прибалтики после 1917 г. Балтийское море утратило свое значение для России вплоть до окончания Великой Отечественной войны. Тем не менее, в целях международного регулирования рыбных промыслов в Финском заливе в 1921 г. И.М. Книпович был командирован в Генсингфорс экспертом по заключению рыболовной конвенции с Финляндией.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Адров И.М.* Исследования Баренцева моря за 1 000 лет. Часть 1: от начала тысячелетия до первой половины XX века. Мурманск, 2002 а. 520 с.
- Адров И.М.* Из истории 1000-летних исследований Баренцева моря // Всероссийская научная конференция «Исторический опыт научно-промысловых исследований в России». М.: Изд-во ВНИРО, 2002 б. С. 17-19.
- Алексеев А.П.* Научно-промысловые исследования в южных морях России (К 100-летию начала экспедиций на Каспии и 80-летию Азово-Черноморской экспедиции под руководством Н.М. Книповича) // Рыбное хозяйство. 2006. № 2. С. 58-60.
- Алексеев А.П., Мухин А.И., Пономаренко В.П.* Н.М. Книпович и рыбохозяйственные исследования в России // Тезисы докладов VII Всероссийской конференции по проблемам промыслового прогнозирования. Изд-во ПИПРО, 1998. 7 с.
- Алексеев А.П., Никоноров С.И., Пономаренко В.П.* 150 лет научно-промысловых исследований в России // Вопр. рыболовства. 2001. Т. 2 № 3 (7). С. 382-402.
- Алексеев А.П., Никоноров С.И., Пономаренко В.П.* 150 лет научно-промысловых исследований в России // Всероссийская научная конференция «Исторический опыт научно-промысловых исследований в России». М.: Изд-во ВНИРО, 2002. С. 7-16.
- Алексеев А.П., Никоноров С.И., Пономаренко В.П.* Морское рыболовство России: биоресурсная основа, история и перспективы. СПб.: РГО СЗНИИ Наследия, 2005. С. 71-112.
- Бердичевский Л.С., Деметьева Т.Ф., Попова А.А., Шубина Т.Н.* Развитие ихтиологических исследований на Каспийском море. Сб. История региональных исследований биологических ресурсов гидросферы и их использования. М.: Наука, 1982. С. 33-65.
- Богданов М.Н.* Обзор экспедиции и естественноисторических исследований в Арало-Каспийской области с 1720 по 1874 г. // Труды Арало-Каспийской экспедиции. Приложение к «Трудам С.-Петербургского общества естествоиспытателей». СПб. 1875. Вып. 1. 53 с.
- Борисов П.Г.* Из истории научно-промысловых ихтиологических исследований на морских и пресных водоемах СССР. М.: Высш. школа, 1960. 197 с.
- Борисов П.Г.* Научно-промысловые исследования на морских и пресных водоемах. М.: Пищевая промышленность, 1964. 260 с.
- Борисов П.Г., Никольский Г.В.* Основные этапы развития отечественных биологических рыбохозяйственных исследований за последние 100 лет // Зоол. журнал. 1961. Т. XL. Вып. 8. С. 1227-1239.
- Брейтфус Л.Л.* Экспедиция для научно-промысловых исследований у берегов Мурмана. Отчет по ее деятельности в 1902 г. пачальника экспедиции Л.Л. Брейтфуса. СПб. 1903. 555 с.
- Брейтфус Л.Л.* Экспедиция для научно-промысловых исследований у берегов Мурмана. Краткий очерк ее деятельности в течение 1898-1904 гг. СПб. 1905. 26 с.
- Брейтфус Л.Л.* О необходимости дальнейших научно-промысловых исследований на Севере. СПб. 1912. 22 с.
- Брейтфус Л.Л.* Арктическая область. Ее природа, задачи и цели изучения. Л., 1928. 60 с.
- Бэр К.М.* Материалы для истории рыболовства в России в принадлежащих им морях // Уч. Зап. АН. 1854. Т. IV. 51 с.
- Бэр К.М.* Исследования о состоянии рыболовства в России. Исследования в Чудском и Псковском озерах и Балтийском море. СПб. 1860 а. Т. 1. 98 с.

Бэр К.М. Исследования о состоянии рыболовства в России. Рыболовство в Каспийском море и его притоках. СПб. 1860 б. Т. II. 100 с.

Визе В.Ю. История исследования Советской Арктики. Баренцево и Карское моря. Архангельск: Северное издательство, 1932. 212 с.

Визе В.Ю. Моря Советской Арктики: Очерки по истории исследования. М.-Л.: Изд. Главсевморпути, 1948. 416 с.

Виноградов К.А. К истории изучения биологических ресурсов Черного моря. Сб. История региональных исследований биологических ресурсов гидросферы и их использования. М.: Наука, 1982. С. 155-164.

Гмелин С.Г. Путешествие по России для исследования трех царств природы. СПб. 1777. Ч. II. 361 с.

Гримм О.А. Каспийское море и его фауна // Труды Арало-Каспийской экспедиции. СПб. 1876 а. Вып. II. тетрадь 1. 168 с.

Гримм О.А. Каспийское море и его фауна // Труды Арало-Каспийской экспедиции. СПб. 1876 б. Вып. II. тетрадь 2. 40 с.

Гримм О.А. Международная конференция по вопросу исследования северных морей, бывшая в Стокгольме в июне 1899 г. СПб. 1899. 16 с.

Давыдов Р.А. Поморы и норвежцы в XIX – начале XX в. на промыслах в Белом и Баренцевом морях: столкновение культур? // Всероссийская научная конференция «Исторический опыт научно-промысловых исследований в России». М.: Изд-во ВНИРО, 2002. С. 48-51.

Данилевский Н.Я. Исследования о состоянии рыболовства в России, т. 6. Рыбные и звериные промыслы на Белом и Ледовитом морях. СПб. 1862. Т. VI. 136 с.

Данилевский Н.Я. Исследования о состоянии рыболовства в России. Статистика каспийского рыболовства. СПб. 1863. Т. V. 150 с.

Данилевский Н.Я. Исследования о состоянии рыболовства в России. Описание рыболовства на Черном и Азовском морях. СПб. 1871. Т. VIII. 316 с.

Данилевский Н.Я. Описание рыболовства в северо-западных озерах. СПб. 1875. Т. IX. 98 с.

Заика В.Е. Черноморские рыбы и летопись их промысла. Севастополь: Изд-во НПП «ЭКОСИ-гидрофизика», 2008. 118 с.

Зернов С.А. К вопросу об изучении жизни Черного моря. СПб. 1913. 300 с.

Зюзина Е.А. Исторические предпосылки организации первой научно-промысловой экспедиции на Каспий. // Всероссийская научная конференция «Исторический опыт научно-промысловых исследований в России». М.: Изд-во ВНИРО, 2002. С. 74-79.

Иванов О.Б. Взаимные отношения СССР и Норвегии в области сохранения и оптимального использования морских живых ресурсов. Сб. Вопросы сотрудничества СССР и Норвегии в области рыбного хозяйства. М.: Изд-во ВНИРО, 1988. С. 30-41.

Иванова Ж.Б. Правовая охрана звериных и рыбных промыслов России и ее Севера (досоветский период) // Право и жизнь. 2002. № 47. – URL: <http://www.law-n-life.ru/arch/151/151-20.doc>.

Календарь событий, связанных с историей отечественного рыбного хозяйства с древнейших времен до наших дней. Автор-составитель С.А. Студенецкий. М.: ВНИРО, 2004. 184 с.

Кесслер К.Ф. Путешествие с зоологической целью к северному берегу Черного моря и в Крым в 1858 г. Киев: Унив. Тип., 1860. 248 с., 5 л. илл.

Кесслер К.Ф. Рыбы, водящиеся и встречающиеся в Арало-Каспийско-Понтийской ихтиологической области // Труды Арало-Каспийской экспедиции. Приложение к «Трудам С.-Петербургского общества естествоиспытателей». СПб., 1877. Вып. IV. 360 с.

Книпович Н.М. Общий обзор работ Каспийской экспедиции 1904 г. Отдельный оттиск из «Трудов Каспийской экспедиции 1904 г.» СПб. 1906. Т. I. С. 113.

Книпович Н.М. Краткий предварительный отчет о результатах работ Каспийской экспедиции 1912 г. // Материалы к познанию русского рыболовства, Каспийская экспедиция 1912-1913 гг. СПб. 1913. Т. II, вып. 6. С. 1-16.

Книпович Н.М. Гидрологические исследования в Каспийском море в 1914-1915 гг. Пг.: Госиздат, 1921. 937 с.

Книпович Н.М. (ред). Труды азово-черноморской научно-промысловой экспедиции. М., 1933. Вып. 10. 272 с.

Копытов Н.Л. Мурманско-Канинские рыбные промыслы // Изв. Арх. О-ва Русского Севера. 1911. № 10. С. 9-15.

Куманцов М.И. Возникновение и развитие рыболовства Северного Причерноморья. Часть I (от древности до наших дней). Изд-во ВНИРО, 2011. 236 с.

Лайус Ю.А. Развитие рыбохозяйственных исследований Баренцева моря: взаимоотношения науки и промысла, 1898-1934 гг.: Диссерт. на соиск. уч. степени канд. ист. наук. М., 2004. 310 с.

Лебединцев А.А. Гидрологические и гидро-химические исследования восточной части Балтийского моря с заливами Финским и Рижским по международной программе в августе-сентябре 1908 г. // Труды Балтийской экспедиции. 1910. Вып. 1. С. 1-87.

Лепехин И.И. Дневные записи путешествий по разным провинциям Российского государства. 1768 и 1769 гг. СПб. 1771-1805. Ч. I (1771). Ч. II (1772). Ч. III (1780). Ч. IV (1805). 2000 с.

Мавродин В.В. Русское мореходство на южных морях (Черном, Азовском и Каспийском с древнейших времен и до XVI века включительно). Симферополь: Крымиздат, 1955. 180 с.

Мейснер В.И. Основы рыбного хозяйства. Введение в изучение рыбоведения и в постановку рационального рыболовства. М.: Издание ИИРХ, 1925. Вып. 1. 106 с.

Месяцев И.И. 1-я экспедиция Плавучего Морского Научного Института // Труды Плавучего Морского Научного Института. 1926. Т. I. Вып. 1. С. 3-15.

Мининков Н.А. Донское казачество в эпоху позднего средневековья (до 1671 г.) Ростов-на-Дону: Издательство Ростовского университета, 1998. 510 с.

Москаленко Б.К. Научное наследие К.М. Бэра и современные рыбохозяйственные исследования // Вопр. ихтиологии. 1960. Вып. 16. С. 3-10.

Наумов В.М. Научно-промысловые исследования ВНИРО. Сб. История региональных исследований биологических ресурсов гидросферы и их использования. М.: Наука, 1982. С. 110-149.

Новиков В.Д. Покорение Арктики. М.: Издательство Академии Наук СССР, 1962. 156 с.

Очерки по биологическим основам рыбного хозяйства. Гл. ред. Павловский Е.Н. М.: Издательство Академии Наук СССР, 1961. 240 с.

Патлас П.С. Zoografia Rosso-Asiatica. СПб., 1811. Т. 3. 428 с.

Пащикова Т.Е. Становление рыбохозяйственных исследований на Русском Севере // Всероссийская научная конференция «Исторический опыт научно-промысловых исследований в России». М.: Изд-во ВНИРО, 2002. 158 с.

Пихенсон Д.М. История открытия и освоения Северного Морского пути. Том 2. Проблема Северного морского пути в эпоху капитализма. Л.: Изд-во Морской Транспорт, 1962. 767 с.

Россолимо А.И. Достижения в области исследования Баренцева моря // Тр. II Всесоюз. гидрол. съезда. Л. 1929. Т. 2. С. 20-37.

Сидеснер А. Описание Мурманского побережья. СПб.: Издание Главного Гидрографического Управления Морского Министерства, 1909. 249 с.

Суворов Е.К. Работы балтийской экспедиции 1908 г. // Труды Балтийской экспедиции. 1910. Вып. 1. С. 88-119.

Суворов Е.К. Работы балтийской экспедиции 1908 г. // Труды Балтийской экспедиции. 1913. Вып. 2. С. 67-89.

Труды Каспийской экспедиции 1904 г. СПб. 1908. Т. 1. 320 с.

Усталь А.Т. Международно-правовой режим территориальных вод. Тарту, 1958. С. 106-107.

Moseev I. The pomors are one of the native ethnic minorities of the European North of Russia, trying to achieve from The Russian Government to be included into the Unified List of the native ethnic minorities of Russia. 2008. URL: <http://www.pomorepp.org/insight/?id=1169>

THE INTERNATIONAL RELATIONS AND THE RUSSIAN RESEARCHES IN THE FIELD OF MARINE FISHERIES IN THE EARLY PERIOD PART 1. EUROPEAN SEAS

© 2013 y. A.I. Glubokov, N.R. Popova

Russian Federal Research Institute of Fisheries and Oceanography, Moscow
We consider the Russian international relations in the field of marine fisheries from the Middle Ages to the first quarter of the XX century in the Black, Azov, Caspian, Barents and Baltic Seas. The survey includes little-known sources, which allows to characterize the formation of the Russian international marine fisheries interactions.

Key words: history of the international fisheries, marine fisheries law, international fisheries management research.